

ПРОПОВЕДНИЧЕСТВО КАК ОСОБЕННОСТЬ ОРАТОРСКОГО СТИЛЯ А.Ф. КОНИ

Статья посвящена рассмотрению особенностей ораторского стиля А.Ф. Кони. Изучение творчества создателя русской школы судебного красноречия имеет как теоретический, так и практический интерес. Практические выводы могут быть использованы для построения теории судебной речи. Автором анализируются обвинительные речи А.Ф. Кони с позиции изучения речевого поведения оратора для достижения наибольшей эффективности, результативности судебной речи.

«В каждую эпоху, в каждом социальном кругу... в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируются, которым подражают, за которыми следуют. В каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях и т. п.». Поэтому «индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями». Речь человека «полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [1].

Для эпохи А.Ф. Кони характерны высокий авторитет церкви, религиозность общества, проповедь как очень распространенный тогда жанр публичной речи. Поэтому можно смело утверждать, что ораторский стиль А.Ф. Кони выработывался под сильным влиянием духовного красноречия.

Несомненно, выпускник Петербургской гимназии, где обязательной дисциплиной среди прочих был Закон Божий, А.Ф. Кони, как всякий его современник, имел соответствующее религиозное образование, знал евангельские тексты. К нему в полной мере могут быть отнесены слова С.Н. Булгакова о русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.: «Христианские черты, воспринятые иногда помимо ведома и желания через посредство окружающей среды, из семьи, от няни, из духовной атмосферы, пропитанной церковностью, просвечивают в духовном облике...» этих людей [2].

С другой стороны, влияние духовного красноречия было опосредовано русской светской риторикой, так как принципы христианского красноречия вообще характерны для русской риторики. Как известно, первые русские риторики, начиная с «Риторики», написанной в

1617-1619 гг. митрополитом Макарием, до «Риторики» М.В. Ломоносова 1733-1734 гг., создавались в монастырях – центрах древнерусской книжности, авторами этих риторик были, как правило, священнослужители – люди, «которые подлинно и достохвально извычны книжному учению и грамматику и риторику умеют» [3], поэтому влияние стиля проповеднической прозы на эти риторики, а значит, и на всю русскую риторику, очевидно.

Также следует иметь в виду, что русское красноречие испытало на себе мощное воздействие византийской и южнославянской риторики, предоставивших ей «стройную и развитую систему ораторских жанров, высокие образцы владения словом – тексты Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Константина Философа, Климента Охридского, Иоанна экзарха Болгарского» [4].

В работах А.Ф. Кони (в статьях и судебных речах) рассыпано множество свидетельств хорошего знания им текстов проповедей. Например, такие свидетельства мы находим в его статье «Приемы и задачи прокуратуры» [5], содержащей рекомендации знаменитого юриста начинающим судебным ораторам по технике речи.

А.Ф. Кони дает краткий анализ отечественных работ XVIII-XIX вв. по риторике и по судебному красноречию, упоминает античных риторов (Квинтилиана, Цицерона), называет речи западных судебных ораторов и делает вывод: «Из всех этих сочинений ничего или во всяком случае очень мало может извлечь судебный оратор» [6]. Положительную оценку А.Ф. Кони получает лишь «замечательный для своего времени труд Ломоносова «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. – 1744 и 1748 гг.» и «прекрасное систематическое по судебному красноречию сочинение П.С. Пороховщикова (Сергеича) «Искусство речи на суде» 1910 г.» [7].

Зато А.Ф. Кони настоятельно рекомендует начинающим судебным ораторам изучать рус-

ское духовное красноречие, в котором он сам «нашел блестящие примеры богатства языка и глубины мысли», «образцы истинного красноречия».

На первое место в этом отношении он ставит митрополита московского Филарета: «У Филарета поражает чистота и строгость языка, отсутствие причастий и деепричастий и частого употребления слова «который», причем у него в высшей степени проявляется то, что французы называют «la sobriete de la parole» («умеренность в речи, скупость на слова»), и доведено до виртуозности устранение всего излишнего. Он сам определяет значение живого слова, говоря, что оно может быть *изострено* как меч – и тогда оно будет ранить и убивать – и может быть *измягчено* как елей – и тогда оно будет врачевать. Его проповеди исполнены красивых и сжатых образов и богаты афоризмами. Читая Филарета, нельзя не удивляться искусству, с которым он в сильной и вместе сжатой форме умеет употребить приемы уподобления, повторения и сравнения, как, например, в следующем начале Слова на Рождество: «Слава Христу, явившемуся в смирении естества нашего, да явит нам образы смирения. Он явился в вертепе, чтобы мы довольны были кельей, в яслях, чтобы мы не требовали мягкого ложа, в пеленах, чтобы мы любили простую одежду, в *несловесии* младенческом, да будем яко дети простою и незлобием и да не разрешаем языка нашего на празднословие» [8].

Образцы истинного красноречия находит А.Ф. Кони в Четвях минеях митрополита Макария: «Мученики говорят в них Диоклетиану, игемонам и префектам целые речи, дышащие вдохновением и исполненные красоты сильного и содержательного слова, чему, конечно, способствует и церковно - славянский язык. Сжатость языка, скупость слов и рядом с этим богатство содержания, в них влагаемого, достойны внимательного изучения в Четвях минеях. Как много говорят, например, такие выражения, как «тесное и прискорбное житие», «общий естества человеческого смертный долг», «положить человека в сердце своем», «воевать тайным коварством во образе правды» и т. д.» [9].

А.Ф. Кони признается, что начал изучать русское духовное красноречие спустя много лет после оставления прокурорской деятельности. Однако ораторские приемы Филарета и Макария, о которых говорит А.Ф. Кони как о достойных внимательного изучения начинающими судебными ораторами, характерны и для его обвинительных речей.

Показательно и то, что конкретный совет по технике речи начинающим судебным ораторам: «Речь обвинителя должна быть сжата и направлена на то, чтобы приковывать внимание слушателей, но не утомлять их», – он сопровождает словами митрополита Филарета: «Замечание митрополита Филарета о том, что «народ наш не настроен к напряженному и продолжительному вниманию, и краткое, близкое к разумению и сердцу, слово он берет и, не роняя, уносит», вполне справедливо» [10].

Иногда он прямо соотносит требования к судебной речи с требованиями, предъявляемыми к речи проповедника. Так, по поводу использования жестов судебным оратором он пишет: «Не думаю, чтобы резкие жесты и модуляции голоса были по душе русским присяжным заседателям, которые, по моим наблюдениям, ценят спокойствие и простоту в «поведке» обвинителя. Обвинителю, *как и проповеднику*, не следует забывать великого Петра, в его Духовном регламенте: «Не надобно шататься вельми, будто веслом гребет; не надобно руками сплескивать, в боки упираться, смеяться, да ненадобно и рыдать: вся бо сия лишняя, и неблагообразна суть, и слушателей возмущает» [11].

Во многих работах А.Ф. Кони проявляется его знание текста Нагорной проповеди, содержащей основные морально-этические нормы христианства.

Статья А.Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе» [12] является фактически наложением христианских заповедей на основные принципы судебной этики.

Христианская нравственность предписывает личности путь нравственного совершенствования, бесконечный по своей природе. Христианские нравственные принципы указываются в Нагорной проповеди в абсолютном измерении, представляют собой скорее вектор движения личности, чем реально достижимую цель. Однако личность должна стремиться к нравственному идеалу, так как это путь совершенствования человеческих отношений, а значит и морального совершенствования общества.

А.Ф. Кони также видит своей целью воспитание общества путем его морального совершенствования и реализует эту цель во всех своих обвинительных речах. Однако если для текстов проповедей характерна явно выраженная назидательность тона, то судебный оратор А.Ф. Кони не позволяет себе нравочений и назидательности.

тельного тона («не должно быть учительского тона, противного и ненужного взрослым, скучного – молодежи») [13], что обусловлено требованиями судебной этики: «Нравоучения, назидательный тон не согласуются ни с таким важным принципом уголовного процесса, как презумпция невиновности, ни с таким этическим, как беспристрастность» [14].

Оратор не упоминает имя Бога, не цитирует ни одну заповедь, однако христианские заповеди легко прочитываются в его речах на уровне подтекста. (Вслед за И.Р. Гальпериним мы понимаем «содержательно-подтекстовую информацию» как имплицитно выраженную информацию, то есть «сообщение, не лежащее на поверхности и поэтому не выраженное вербально»). Подтекст сопутствует вербальному выражению и запланирован создателем текста.) [15]

А.Ф. Кони широко использует ассоциативный подтекст, возникающий в силу свойственной человеку привычки «связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом» [16]. Подтекст позволяет оратору выразить свое отношение к сообщаемому и оказать воспитательное воздействие на своего адресата.

Так, в речи «По делу об убийстве Филиппа Штрама» А.Ф. Кони дает характеристику потерпевшему. Личность убитого оказывается довольно неприглядной. Явно негативная характеристика убитого, конечно, ничего не дает для доказательства вины подсудимого, скорее, наоборот, вредит обвинению. Однако оратор не упускает возможности показать нравственный облик человека с воспитательной целью, напомнить своему религиозному адресату христианские заповеди: «Показания свидетелей характеризуют нам этого старика в истоптанных сапогах, не носящего белья, а вместо него какой-то шерстяной камзол, а поверх него старый истертый сюртук, в котором заключалось все его достояние: его деньги, чеки, билеты, векселя. Он скуп и жаден (Не сотвори себе кумира!). Проживая у Штрамов, ест и пьет, но ничем не помогает своим бедным родственникам, которые, в свою очередь, обходятся с ним не особенно уважительно, потому что он их стесняет (Возлюби ближнего своего, как самого себя! Во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними!). Спит он нередко на чердаке, и спит на голых досках. Человек этот, очевидно, всю свою жизнь положил на скопление

небольшого капитала, все время проводит, орудуя им, отдавая деньги под проценты, и, храня документы постоянно при себе, оберегает их от чуждого взора, озираясь по сторонам и боясь, как бы кто-нибудь не заметил, что у него есть деньги (Не сотвори себе кумира!))».

В речи «По делу о подлоге завещания капитана гвардии Седкова» А.Ф. Кони убедительно показывает, что никакие жизненные обстоятельства не могут служить человеку оправданием отступлений от нравственных норм. Нарушение христианских заповедей не может принести человеку радости, блага, наоборот, ведет к отторжению человека от общества и может закончиться физической его гибелью. А.Ф. Кони создает яркий образ человека, посвятившего свою жизнь накопительству. Седков копил деньги, «не брезгуя ничем – ни платьем товарища, ни эполетами кутнувшего юноши», «копил — копейку за копейкой — деньги, которые приносились ему с презрением к его занятиям, с негодованием к его черствости», не обращая внимания на должников, «которые смотрели на него как на прирожденного и беспощадного врага, он подавал ко взысканию, описывал и продавал их имущество, вынося на себе их слезы и их отвращение» (Не сотвори себе кумира! Возлюби ближнего своего, как самого себя!).

По словам А.Ф. Кони, «Седков не был узким скупцом, который забыл жизнь и ее приманки для сладкого шелеста вексельной и кредитной бумаги. Он решился подавить себя на время, обрезать свои потребности, замкнуться в своих расчетных книгах лишь до поры до времени, чтоб развернуться потом и позабыть годы лишения. Недаром писал он свой расчет занятий, называя его планом жизни и определяя с точностью на много лет вперед, когда и что он сделает, когда выделит из складочного капитала оборотный, когда образует запасный, начнет ликвидировать дела и после «деятельности в таком разгаре» в 1879 году, будет иметь возможность осуществить написанное под 1880 годом слово «отдых»... Однако «жизнь его потухла среди уложенных чемоданов для путешествия на юг и среди предположений о разгаре деятельности в 1879 году».

В речи «По делу о подлоге завещания от имени купца Козьмы Беляева» А.Ф. Кони подробно описывает историю нравственного падения Караганова, принявшего участие в подделке завещания: «представим себе Караганова сначала

бодрым, свежим, имеющим целую жизнь впереди, женившимся и взявшим за женою довольно большое приданое, имевшим свои собственные торговые дела и, наконец, управляющим Мясниковых в Ставрополе, – и затем представим себе того же Караганова мрачного, рассеянного, делающего скандалы, дерущегося на кулачках с мужиками, не платящего долгов, требующего жалованья и не оказывающего никакого почтения к представителям хозяев, *находящегося постоянно под гнетом какой-то одной мысли, пьющего мертвую чашу* и пользующегося при этом особенным привилегированным положением; представим, наконец, Караганова, *которого преследует постоянная боязнь*, Караганова, пишущего свою последнюю волю, в которой *слышится вопль наиболее болезненной души и разбитого сердца*; если мы представим себе все это, то мы увидим, что есть страшная разница между Карагановым первым и Карагановым вторым (Не кради! Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего!)).

Оратор создает яркую картину мучений человека, нарушившего христианские заповеди, совершившего проступок, не сообразующийся с нравственными законами, с законами совести. Нравственное падение человека ведет к его физической деградации.

В речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» А.Ф. Кони показывает, как нарушение нравственных заповедей одним человеком может подтолкнуть другого к совершению преступления: «Первое время Шляхтин, по видимому, сознавал свою виновность перед сестрой и этой девушкой, и если бы дело оставалось в том же положении, то оно кончилось бы, может быть, лишь продолжительною размолвкой, но явились обстоятельства, которые не могли не изменить отношения Рыжовых с Шляхтиным на более худшие... Дмитриева несколько не щадила самолюбия Шляхтина и передавала ему все сплетни обо всем, что происходило и говорилось у Рыжовых, получая эти сведения через своего брата (Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего!)). И далее: «Важно то, что студент Дмитриев сообщил сестре о том, что слышал от Рыжовой о написанном ею письме к их родителям. Что это было сообщено без всякой предосторожности, что все слова раздраженной Рыжовой были приняты на веру Дмитриевым и переданы в той самой, несколько резкой форме, в которой они были, вероятно, высказаны, в этом вы могли убедиться уже потому, что студент Дмитриев без всякой кри-

тики относится к тому, что говорит... Вот, например, один из источников для суждения о нервности Шляхтина и для суждения о вдумчивости Дмитриева в свои слова! *Дмитриев должен был рассказать все, что он слышал, несколько не умалчивая, несколько не щадя самолюбия своей сестры, несколько не оберегая ее, а она, в свою очередь, передала все слышанное ею Шляхтину* (Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего, то есть не сплетничай, не злословь!). Вернувшись домой из театра, Шляхтин получает известие о том, что в дела его постоянно и настойчиво вмешиваются; он раздражается еще более и утром идет к Рыжову...»

Забываясь о «спасении души» оступившегося, А.Ф. Кони в каждой своей речи самое большое внимание уделяет рассмотрению личности подсудимого, «с его добрыми и дурными свойствами, с его бедствиями, нравственными страданиями, испытаниями» [17].

В статье «Приемы и задачи прокуратуры» А.Ф. Кони пишет: «Где было возможно отыскать в деле проблески совести в подсудимом или указание на то, что он упал нравственно, но не погиб бесповоротно, я всегда подчеркивал это перед присяжными в таких выражениях, которые говорили подсудимому, особливово, если он был еще молод, что пред ним еще целая жизнь и что есть время исправиться и честной жизнью загладить и заставить забыть свой поступок» [18]. Например: «Не о строгости кары думает в настоящее время обвинительная власть. Есть одно соображение, которое, как мне кажется, в настоящем деле следует принять во внимание. *Подсудимый молод, ему 18 лет, вся жизнь еще пред ним. Он начал ее очень печальным делом, начал преступною сделкою с своей совестью. Но надо думать, что он не погиб окончательно и, конечно, может исправиться, может иначе начать относиться к задачам жизни и к самому себе. Для этого исправления строгий и правдивый приговор суда должен быть первым шагом. Со сделкой с совестью ему не удалось. Теперь он находится пред вами и, по-видимому, хочет вступить в сделку с правосудием: признаваясь в убийстве, ввиду неотразимых фактов, он сознается, однако, не во всем, он выторговывает себе внезапность умысла. Не думаю, чтобы на него хорошо подействовало нравственно, если эта вторая сделка удастся. Вот почему я думаю, что она ему может и не удалась*» (из речи «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона»).

На основе анализа обвинительных речей А.Ф. Кони можно сделать вывод о том, что А.Ф. Кони акцентирует нравственно-психологическое звучание в речи, которое достигается «в связном и последовательном изложении, со спокойным достоинством исполняемого грустного долга, без пафоса, негодования и преследования какой-нибудь цели, кроме правосудия...»[19].

Основная цель (сверхзадача), объединяющая все обвинительные речи А.Ф. Кони, – оказание воспитательного воздействия на слушателей, распространение в обществе правил нравственного поведения, основанных на соблюдении норм христианской морали, а также реализация в речи отечественного риторичес-

кого идеала обуславливают сходство обвинительных речей А.Ф. Кони с проповедью.

Вместе с тем нами отмечается существенное отличие между судебными речами А.Ф. Кони и проповедью: если проповедь ориентирована на оказание эмоционального воздействия, основанного на вере, не требующей логических доказательств, то «в основании судебного красноречия, – по словам А.Ф. Кони, – лежит необходимость *доказывать* и *убеждать*, т. е., иными словами, – необходимость склонять слушателей присоединиться к своему мнению» [20]. Главный способ убеждения в судебной речи – доказательство при помощи рациональных логических доводов.

Список использованной литературы:

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: «Искусство», 1986. С. 283-284.
2. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – 589 с. На с. 275-299, с. 278.
3. Кедров Н. Просветительная деятельность Троице-Сергиевой лавры за первые три века существования. М., 1892. С.59; Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903. С. 119-120.
4. Михальская А.К. Основы риторики: Учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: Дрофа, 2001. С. 466.
5. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собрание сочинений в 8 т. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. Т. 4. С. 121-200.
6. Там же. С. 146.
7. Там же. С. 149.
8. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. Т. 4. С. 157-158.
9. Там же.
10. Там же. С. 155.
11. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. Т. 4. С. 156.
12. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. Т. 4. С. 33-69.
13. Кони А.Ф. Советы лекторам // Об ораторском искусстве. М.: Политиздат, 1973. С. 173.
14. Леоненко В.В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981. С. 127.
15. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: «Наука», 1981. С. 42.
16. Там же. С. 45.
17. Кони А.Ф. Присяжные заседатели // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1966. Т. 1. С. 337.
18. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. Т. 4. С. 160.
19. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Собрание сочинений в 8 т. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. Т. 4.
20. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. Т. 4. С. 144.